

ЖАЖДА ПОЛЕТА

«ПОПЫТКА ПОЛЕТА» И. РАДИЧКОВА ВО МХАТЕ
ИМ. М. ГОРЬКОГО

Гротескные перевертыши, смешные алогизмы бытуют в фольклоре разных стран, соседствуя с самой нежной лирикой. Существующая в сказках связь Иванушки-дурачка и доброй волшебницы, хрупкой поэзии и громкого смеха, чудного и чудного определяет и стилистику «Попытки полета» — пьесы известного болгарского прозаика и драматурга Йордана Радичкова. Его соотечественник режиссер Младен Киселов поставил ее во МХАТе, выведя на сцену целый отряд чудаков из затерянных в центре Балкан Аврамовых Хуторов, один чудаковатее другого...

Это и учитель Киро Ю. Богатырева, в жеваном плаще, полосатых штанах, с опущенной на лицо сеткой пчельника и черным зонтиком, похожий на циркового «рыжего», по-детски нелепо восторженный, склонный порассуждать на возвышенных темы, которые стали для него привычными, как затверженный назубок урок. Это и сельский философ Аврам Р. Козака, в строгом черном пальто, подтянутый, как и полагается церковному попечителю, наставительный и беспомощный, любящий покрасоваться тем, что способен на едином дыхании выпалить нечто книжно-премудрое. Это и два мечтателя — украсивший свой камзол и шляпу цветами молодой Илийко Ю. Богомолова, простодушный па-

рубок с волосами цвета одуванчика и голубыми восторженными глазами, и застенчивый и радушный мужичок-кузнец Петушок В. Кулюхина, несущие с собой освежающую наивность лубка. Наивность, которая есть и в романтическом новобранце Аврамчо А. Шлаустаса, похожем на стойкого оловянного солдата; и в сочно сыгранном П. Смидовичем Матее Дырке, с блохой в ухе, чья прижимистость и практицизм не мешают ему поверить в химеры; и во вспыльчивом и незлобивом силаче, сельском Тарзане, живописно разодедом в шкуры, козопасе Иго С. Колесникова; и даже в нахрапистом и жуликоватом перекупщике коз Чельноке И. Золотовицкого...

В старину спорили: чудеса ли рождают веру или вера рождает чудеса. Во мхатовском спектакле основа всего — творческие способности хуторян-чудаков, их праздничное отношение к жизни. Они могут быть нелепыми, но не обыкновенными, эти выдумщики, легко и незаметно преодолевающие границу, отделяющую былицу от были. Все тут — от них. Сцена оголена и совершенно пустынна, на ней им предстоит построить свои воздушные замки. И стоит им шумно, азартно выказать потребность в невероятном, как

невероятное свершается, и в небе появляется аэростат. Рассыпается кучка спорящих, издали в немом ослеплении поглядывает на диво, и словно распаивается огромное, зовущее, таящее неизведанное пространство. Пространство, общее для нас и для хуторян, ибо мы начинаем глядеть на него их глазами. И для нас блуждающий аэростат, «сбежавший» с фронтов второй мировой войны, превращается в живое фантастическое существо, вызывающее опасение и сочувствие, когда он дышит своим раненым боком. И мы вместе с героями, повисшими на веревках под брюхом дирижабля, готовы поверить, что мчащиеся на белых трепещущих полотнищах облака (художник Д. Крымов) проносятся под нами.

Но слишком высоко вознесшихся поселян сбивают стражники закона, и А. Борзунов исполняет виртуозное соло для унтера с полицейским эскадром. Маленький унтер с агрессивно ошечинившимися усиками вдохновенно творит свой Аустерлиц, обрушиваясь на незадачливых летунов. Царь, бог и воинский начальник глухоты, остервенелый, расхристаный, сорвавшийся с цепи унтер с выпученными, стекленевшими глазами, вершит скорый суд и расправу. Звезд-

ный час отца-командира — танец под вопли лупцующих, под самую дорогую полицейскому сердцу музыку, бросающую его тело в какой-то издерганно-молодцеватый перепляс, — такого яростно-темпераментного, внутренне оправданного, сплавляющего мастерство и органику гротеска мы давно не видели на нашей сцене.

А допрашиваемые знай только подливают масла в огонь, с мюнхгаузеновской неистощимостью сообщая все более невероятные подробности, как это они, этикие законопослушные растапы, ненароком оказались в сетях дирижабля. От подобного залихватского вранья не только у ополоумевшего от рвения службиста, но и у любого человека голова пойдет кругом. Сцена порки оказывается кульминацией спектакля. Донельзя, казалось бы, униженные поселяне выходят победителями из столкновения с полицией, которую совершенно сбили с панталыку своими рассказами, не тушуясь, а все больше подзадоривая друг друга. И это не случайно, ибо в унтере А. Борзунова лишь в наиболее концентрированном виде выражено то, что присуще в спектакле едва ли не всем актерам, в основном молодым, вчерашним и позавчерашним выпускникам Школы-студии МХАТ, — увлеченность необычным, сочетающим красочные фольклорные темы и напряженные созре-

менные размышления материалом, требующим резких, звонких красок, энергичного отношения к роли, склонности к риску. Все здесь ходят словно по лезвию ножа, прибегая к психологическим и пластическим гиперболам, на волосок от того, чтобы сорваться в наигрыш, превратить драматический театр в цирк, балаган или эстраду. И все же, как правило, не срываются и природе драматического театра не изменяют.

В верности драматическому началу — победа режиссуры М. Киселова, развивающего сложное полифоническое многообразие: в потешных попытках поставленного на солнце-пек Петушка вспомнить, каким именем нарекло его начальство, есть нечто трогательно-печальное, а задиристско-фарсовая игра граничит с героическим пафосом, когда балагуры дружно затягивают полные скорби, гнева и мужества песни времен болгарского Возрождения. Жажда полета здесь неотделима от того, что творится у нас под ногами на земле — не зря Маткина Душка (А. Жарков) призывает нас не растоптать целебные травы...

«Попытка полета» — спектакль, в котором многое неправдоподобно, налетает на нас, как аэростат на деревню, но в веселой, приправленной грустью кутерьме больше всего увлекает правда о творческой и неутомимой душе чудаков, чутких одновременно и к заоблачно-высокому, и к земному.

В. СИЛЮНАС.